

Магалица В

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Шакал

Виктория Падалица

Шакал

«Автор»

2023

Падалица В.

Шакал / В. Падалица — «Автор», 2023

Монстр во плоти. Жуткая тварь, и гордится этим. Он этим живёт. Его тешит то, как о нем отзываются, называя его самой жуткой тварью. Он не человек ни на грамм, и наверняка долго к этому шел. И как долго мне осталось жить, знает только он. Диалогия. 21+ Много секса, насилия, жестокости.

© Падалица В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктория Падалица

Шакал

Глава 1

*Ты должен познать,
Что ветви клонит к востоку...
Danheim, «Runar».*

За запыленным окном фургона – голая степь, испепеленная зноем. Гиблая местность. Неизвестно где, почему, за какие грехи.

Известно лишь одно – мы, все здесь сидящие, видели эти иссушенные зноем пейзажи в первый и в последний раз. Оттуда, куда нас доставят, мы уже не вернемся живыми.

Нас, похищенных девушек, отловили по одной, насильно собрали вместе и теперь везут на убой.

Ни в чем не повинных.

Молодых, и уже с перечеркнутыми судьбами.

Ни одна из нас не знала историю другой. Из какого кто города, из какой семьи. Но еще вчера кто-то из нас возможно работал врачом, а кто-то начальником, кто-то уборщицей или, как я, студенткой второго курса. Но с тех пор, как мы тут оказались, в этом проклятом фургоне, наша ценность как людей стала обезличена. Мы все больше никто. Все едины в своей участи, все равны перед смертью, которая не за горами.

Мы стали жертвами не по своей вине. Изможденные без еды и воды, в духоте и шуме, покалеченные, избитые, в грязи, ссадинах и синяках.

Кому-то из девушек, как мне, толком не оказавшей сопротивления при похищении, повезло больше, отделалась малой кровью.

А у некоторых была разбита губа, сломан нос, либо же заплыл глаз.

Одежда у всех нас была частично порвана. Руки, у кого-то связанные, а у кого-то с кровавыми следами на запястьях от тугих веревок, смиренно покоились на коленях.

Кто эти «люди» и чем руководствовались, отбирая нас и с какой целью похищая, никто из нас не знал. Но каждой ясно было лишь то, что эти твари похитили нас, чтобы неминуемо убить. Медленно либо быстро, мучительно или нет – а это уж как повезет.

Везли нас долго. Дорога плохая, ухабистая. Фургон то и дело подпрыгивал на кочках, стены трясло.

Вечный, непрекращающийся аккомпанемент грохота, скрежета и скрипов давили на уши и напоминали о том, что всё пережитое уже – всего лишь начальная точка на пути кровавых страданий и первобытного ужаса.

Из-за общей слабости, я едва была способна усидеть прямо, чтобы не качаться из стороны в сторону и не испытывать судьбу. Невзирая на усталость и головную боль, я запрещала себе засыпать, с частой периодичностью стучаясь затылком о стену фургона. Намеренно заставляя свой разум взбодриться и беспрестанно напоминая себе в мыслях, что смерть куда ближе, чем кажется.

Волосы безнадежно слиплись и закрывали часть лица от ненавистного мне острого взгляда чернокожего цербера. Кровь из раны на голове уже не сочилась. Она запеклась, засохла и почти не напоминала о себе. Зато пальцы были сплошь в занозах. А под ногтями, частично сорванными в результате противостояния похитителям, въелась грязь вперемешку с кровью.

Тошнота не прекращалась. Равно как и сердце стучало почаще мотора, не позволяя мне отвлечься и забыться даже на секунду.

Ведь под ногами – кровь и мозги одной из нас, и всё это растеклось по полу фургона.

Безголовое тело пленницы, обнаженное до пояса, лежало прямо перед нашими глазами.

Нам, насмерть запуганным жертвам, только и оставалось, что безропотно глядеть на ту несчастную, которая поплатилась за свою смелость и попытку спастись.

Мы все сидели тихо, смиренно, голов не поднимали. Боялись, что одна из нас незамедлительно станет следующей, если вдруг чернокожему церберу, следившему за порядком в фургоне, снова что-то не понравится.

Никто из нас, пленниц, не просил о пощаде. Никто не догадывался, как долго мы протянем. Мы все смиренно сидели с опущенными головами и просто ждали чуда. Наивные и глупые мы...

– Как думаешь, он понимает наш язык? – шепнула мне рядом сидящая, тонкая зеленоглазая шатенка с разбитой губой.

Она имела в виду чернокожего цербера. Безжалостное чудовище с автоматом, с гордым видом восседавшее напротив нас.

Мы с ней быстро переглянулись и тут же замерли в ожидании сурового наказания за болтовню.

Цербер же, покосившись на нас, отвлекся на изучение своего автомата.

Конечно, не понимает он наш язык. Он же не цивилизованный. Он дикарь.

Я побоялась выразить свое мнение насчет чернокожего цербера вслух. Лишь осторожно взглянула на него из-под слипшихся прядей.

Получилось прямо в глаза.

Он поглядел на меня, а я на него.

Мельком. Секунда всего. Но и этого хватило, чтобы испугаться и быстро опустить взгляд на свои руки.

Только бы не застрелил...

– Это самая жуткая тварь, которую я видела... – едва слышно прошептала мне шатенка и пугливо смолкла.

Я качнула головой в знак того, что согласна с её доводами насчет цербера, и снова поглядела на него украдкой.

Чёрт...

Мне показалось... или он... ухмыльнулся???

Я пригляделась к нему получше.

Точно же. Ухмыляется. Расслышал, значит. Понимает он нашу речь.

Несомненно, это самая жуткая и безжалостная тварь, которую нам всем не посчастливилось встретить.

Убийца. Психопат.

Хладнокровная и беспощадная сволочь. Монстр во плоти. Жуткая тварь, и гордится этим. Он этим живёт. В этом весь смысл его поганого существования. Его тешит то, как о нем отзываются, называя его самой жуткой тварью. Он не человек ни на грамм, и наверняка долго к этому шел.

И как долго мне осталось жить, знает только он.

На мгновение я забылась. И позволила себе поглядеть на него дольше одной секунды. И он это заметил.

Доли секунды мне хватило, чтобы до смерти испугаться за свою жизнь.

Но и отвернуться не нашлось смелости. Хоть и понимала, что прямо сейчас смертельно рискую составить компанию той несчастной, которой он уже разнес череп за неповиновение.

– Вить! Шеф спрашивает, как обстановка? Доведем хотя бы одну, или всех отстрелишь?

– Одну довезем. Может быть. – ответил цербер басом, оскалившись в щербатой улыбке и снова обратив свой беспощадный не моргающий взор прямиком на меня.

Чернокожего цербера звать Витя?

В каком месте он Витя?

Высоченный, огромный, сильный африканец, у которого специфически грубые и крупные черты лица. Глаза чёрные как смоль, крайне надменный взгляд.

Ясно же, что цербер родом из Африки. И что он совсем не похож на Витю. Даже отдаленно.

Цербер глядел всю оставшуюся дорогу в основном на меня. Пристально, изучающе. Оценивал возможно. Может, я его чем-то удивила несколько больше, чем другие пленницы. А возможно, раздумывал, каким способом расправится со мной.

Что бы не вертелось в голове у этого Витьки... Жуть лютая берет от него. Не по себе от одного только взгляда.

Хищного.

Варварского.

Повелительного.

Маниакально настойчивого.

Раздевающего. И расчленяющего одновременно.

Что угодно в этом взгляде прочесть можно было, кроме непосредственно жалости.

Жалости там не было ни капли.

Глава 2

*Безопасно – спать одной,
Там, где нет людских троп...
Sopor Aeternus, «It is safe to sleep alone».*

Несколькими днями ранее....

Перед началом нового учебного года, я приехала на поселок на окраине, чтобы с подругой давней встретиться.

Вот уже год, как я уехала учиться в другой город, а подруга Оксана перестала заходить в соцсети, и номер мобильного почему-то сменила.

На душе было беспокойно, и я, в очередной раз проверив, появилась ли она в соцсети, поехала к ней домой. Надеялась повидаться.

Само собой, я понимала, что в ее жизни возникли сложности, ведь подруга многодетная, от мужа алиментов не получала, растила детей одна. И от мамы ее, страдающей алкогольной зависимостью и не задерживающейся ни на одной работе дольше месяца, помощи ожидать не стоило.

Но увидев брошенный дом с выбитыми стеклами и выломанной входной дверью, тревожность и непонимание во мне лишь усилились.

Не могла же Оксана переехать... Где бы она деньги достала на новое жилье? Может, все-таки муж одумался и забрал её с детьми к себе?

На всякий случай, я постучала в калитку. Возможно, Оксана и правда переехала, а здесь теперь живет кто-то другой. Хотя не похоже, чтобы дом был жилым. Слишком уж запущенно выглядит и сам дом, и высокой травой вокруг всё поросло.

Спустя несколько минут моих попыток достучаться до хозяйки дома, из калитки напротив вышла пожилая соседка и грубым тоном спросила, что мне здесь надо.

– Здравствуйте! – крикнула я ей и вежливо улыбнулась. – Подскажите, Оксана переехала? Я подруга ее...

– Умерла Оксана. Детей забрали опекуны. Вот такая трагедия.

Соседка рассказала, что подруги моей не стало в начале года – в ночь на Первое января.

Вот тебе и приехала я в гости. Обещала подруге сколько месяцев, а всё времени навестить не находилось.

Так и не свиделись мы, и теперь вообще не свидимся. Где похоронена она, и куда делась её пьющая мать, соседка не знала сама.

После услышанного, я ещё долго простояла как стукнутая, в полнейшем замешательстве глядя на опустевший дом, и не могла поверить в то, что это правда. Затем, не сдерживая горьких слёз и всхлипов, отправилась в единственный магазин на остановке.

Там купила дешевый алкоголь и вернулась к дому. Зашла в него по привычке, словно меня там ждали, села за кухонный стол, огляделась.

Когда-то мы с Оксаной тут сидели. И праздновали дни рождения, и грустили из-за жизненных неурядиц, и просто общались о том и о сем. Много времени мы провели за этим столом.

Теперь и холодильника на кухне, поросшей пылью и плесенью, нет. Телевизора тоже и почти всей мебели – дом был практически пуст и частично порушен.

Относительно ценные вещи, за которые можно было выручить хоть какую-то копейку, давно вынесены местными алкашами.

Даже старой печки не имелось – выкорчевали ради металла.

Всё, что можно было украсть в этом доме, украла, продали и пропили.

А ведь когда-то в этом доме звучал детский смех. А теперь детей забрали опекуны, а их мама умерла в самом расцвете лет. К тому же будучи беременной ребенком, который погиб вместе с ней.

Онкология никого не щадит.

Как жаль, что подруга моя слишком поздно узнала об этом диагнозе. Возможно, сейчас было бы всё иначе, если бы она взялась за лечение раньше.

Помянув подругу шёпотом, я встала и прошлась по комнатам. Воображая невыносимые для сердца детали случившейся здесь трагедии и рыдая от этого.

31 декабря. Волшебный праздник, который так ждут дети.

Бой курантов.

И труп мамы лежит.

Рядом подарки и накрытый стол.

Детям без мамы остаться в Новый Год.

Худшего стечения обстоятельств и представить сложно...

Дедушки, бабушки, родственники и папашка не забрали детей. Их, бедняжек, сироток, с травмами на всю жизнь, сперва определили в детский дом, а потом в приемную семью.

Как же так... Как несправедливо.

Это всё не укладывается в моей голове. Это не может быть правдой.

Глава 3

Засиделась я допоздна.

Всё вспоминала подругу и наше общение на протяжении восьми лет.

Не хотелось покидать ее дом, так хотелось ее дождаться.

В сердце имелась частичка надежды, что соседка жестоко обманула меня, и подруга на самом деле не умерла, а просто переехала в дом с лучшими условиями.

За окном совсем стемнело, автобусы в это время уже не ходили, только в соседнем поселке можно было успеть на последний.

И я, взяв себя в руки, отправилась в соседний поселок.

Какой-то подозрительный парень стоял на остановке и косился на меня.

Весь поджарый, высокий, щеки впалые. Глазами так и шныряет то по сторонам, то по мне.

Кроме меня и его, на улице ни души.

Испугавшись, я быстро прошла мимо него, делая вид, что в магазин за углом нацелилась.

Жуткий тип. Наркоман небось. Пялится так, как будто недоброе замыслил.

Надо бы быстрее уходить отсюда.

Магазин за углом, к сожалению, был закрыт.

Пришлось немного постоять перед дверью и вернуться к остановке, так как путь до соседнего поселка пролегал мимо нее.

Наркоман тот, и еще двое вместе с ним, стояли там же, кого-то активно высматривая.

Понимая, что лучше бы вернуться к дому подруги, так как вероятность встретить по дороге хоть кого-то, кто сможет помочь, я прошла мимо них максимально уверенно, стараясь не оборачиваться и не показывать, что боюсь.

Они же последовали за мной. Чтобы они думали, что я живу здесь и вот-вот зайду домой, я достала из кармана ключи и потрясла ими, чтобы зазвенели.

Только вот эти трое наркоманов не отставали от меня и никуда не сворачивали.

Если они заметят, что я иду в заброшенный дом, однозначно не отстанут. И неизвестно что сделают со мной. Без свидетелей.

Обернувшись, я с тихим ужасом подметила, что те ублюдки ускорили шаг и вот-вот настигнут меня.

Чтоб им надо от меня?

Небось обокрасть хотят. Сволочи.

Я забежала во двор и нырнула за дом.

Понимая, что в самом доме спрятаться негде, и никого из соседей не знаю, ничего другого мне не оставалось.

Глава 4

Чуть погода я уловила чутким слухом, как скрипит калитка, а затем и крыльцо.

Они зашли в дом.

И у меня появился шанс их обхитрить.

Осторожно наступая на битые стекла, я обошла дом вдоль стены и вскоре добралась до калитки.

Рассчитывая, что все трое рыщут в доме, и никто до сих пор не додумался обыскать двор, мне ничего не оставалось, как делать оттуда ноги.

Выглянув из-за угла дома и убедившись в том, что крыльцо никто не стережет, я распахнула калитку и побежала что есть сил.

Вспомнилось, что неподалёку, где-то через триста или чуть больше метров, будет ставок, и там есть пешеходный старый мост, по которому можно попасть в соседний поселок в разы быстрее, чем по асфальтированной дороге.

Минут пятнадцать, и я буду на месте. Как раз успею на последний автобус до центра.

Пробежав немало, я выдохлась и перешла на быстрый шаг. Но заметив, что ни черта не оторвалась, и эти трое уже возле ставка шарятся, я вновь побежала.

Так и не успев перевести дыхание и совладать с чувством первобытного страха.

Оставалось преодолеть совсем немного опасного пути, и начнутся многоэтажные дома.

В поселке полно гаражей, и я смогу спрятаться. Но проблема в том, что дорога всего одна, и меня на ней однозначно заметят.

Недолго раздумывая, я решила добраться до остановки другим путем, через дворы панельных многоэтажек.

Заодно и расстояние срезать.

Хоть бы автобус не ушел раньше...

Обернулась назад, а они меня видят и за мной неуклонно следуют. Страх опутал мое тело с головы до ног.

И никого на улице нет в такое время, как назло. Даже если закричу о помощи, эти трое меня убьют быстрее, чем кто-то с балкона услышит и попробует вмешаться.

Повезло, что во дворе уйма гаражей, буквально один на другом стоят.

Спрячусь там и пережду. Черт с ним, с автобусом. Хоть бы живой тут остаться...

Оторвавшись от наркоманов лишь благодаря тому, что траву возле многоэтажек не успели скосить, и стоило мне, мелкорослой худышке, пригнуться, как полностью исчезла из их виду, я юрко нырнула в узкий проход между гаражей.

Слыша шаги позади себя, я принялась петлять по лабиринтам самостройки. Я кружила и кружила, едва слышно ступая в темноту. И кажется, оторвалась.

Эти трое сволочей рыскали где-то рядом.

Где именно они трутся, не видела и не могла видеть. Но подозревала, что они очень близко, так как слышала их притихший недовольный говор между собой.

Они не могли сообразить, куда я подевалась, но и не уходили. Судя по всему, будут преследовать меня до последнего.

Но я уже не чувствовала себя беззащитной жертвой.

Ничего не стоит затеряться в гаражах и переждать, пока этим наркоманам наконец не надоест искать меня ради старого мобильника, серёжек и пары соток в кармане.

Я была уверена, что мне удастся выпутаться из передряги и уйти невредимой, как тут телефон зазвонил.

Пыталась его достать, сжимая со всех сторон в надежде отыскать заветную кнопку регулировки громкости и отключить мелодию, пока она не стала громче.

Но чертова «молния» зажевала подкладку кармана.

Не расстёгивается! Я попалась!

– Вон она! Хватай! – крикнул один из них.

Так и не разобравшись с «молнией» и не отключив мелодию, я стремглав побежала прочь к дороге.

В надежде, что хоть какая-то машина будет проезжать мимо, и меня подберут или хотя бы спугнут грабителей.

На повороте я заметила фургон.

Белый, грязный, ничем не примечательный, лишь кроме того, что не имел номеров.

За неимением других вариантов, я поспешила к фургону.

Ведь водитель, судя по включенным габаритам сего транспортного средства, находился внутри.

Но в тот момент, когда я замедлила шаг уже перед самым фургоном, задняя дверь распахнулась. Из фургона выпрыгнул кто-то в черном и оглушил меня ударом по голове.

Очнулась уже в фургоне. Днём.

Следующим или же нет, понятия не имела.

Неизвестно, сколько времени я провела в отключке и как долго нахожусь в пути.

Голова страшно болит. Карман порван. Телефона нет.

Я была здесь не одна. Со мной в фургоне сидело ещё четверо девушек, таких же как я, похищенных и не понимавших, за что.

А напротив разместился чернокожий цербер, следивший за тем, чтобы мы вели себя послушно.

Нас куда-то везли.

– Вы крупно пожалеете, твари! – храбро выкрикнула одна из пленниц, не выдержав это терпеть. – Мой папа прокурор! Он найдет и прикончит каждого из вас!

Чернокожий цербер, двинув бровью, развернулся и дважды стукнул кулаком по стене фургона.

Фургон совершил остановку.

Вскоре дверь открылась, и другой бандит, до того сидевший в кабине с водителем, или это был сам водитель, приказал ей выходить.

Девушка заплакала и принялась умолять их смириться. Но её слезы и мольбы не тронули бандитов.

Чернокожий цербер взял её за волосы и жестоким образом выволок из фургона.

Затем раздался выстрел.

Чернокожий цербер вернулся где-то спустя минуту, и, как ни в чем не бывало, сел на свое место.

Этот зверь убил ее...

Он застрелил ту девушку...

Я с ужасом и непониманием глядела на него, на этого садиста.

Безжалостного.

Чудовищного.

Чёрного.

Глядела и не понимала, как таких земля носит.

Цербер заметил мое молчаливое негодование и презрительно двинул бровью.

Мол, че ты пялишься, тоже хочешь «самовыпилиться»?..

Нет, не хочу. Мне жить хочется.

Очень хочется жить.

Я опустила глаза. С непосильной горечью перемалывая в памяти, как попала в ужасную беду. И что теперь вряд ли вернусь домой. Ни живой, ни мертвой. Даже тела моего не найдут.
– Эй, курвы! Принимайте подружку! И так будет с каждой, кто вякнет хоть слово!
Бандит швырнул нам под ноги тело убитой девушки и захлопнул двери фургона.
Дальше мы поехали молча.
Нас, запуганных до смерти пленниц, осталось всего четверо.

Глава 5

За запыленным окном скрипучего фургона – голая степь, испепеленная зноем. Гиблая местность.

Неизвестно где, почему, за какие грехи.

Известно лишь одно – мы, все здесь сидящие, видели эти иссушенные зноем пейзажи в первый и в последний раз. Оттуда, куда нас доставят, мы уже не вернемся живыми.

Нас, похищенных девушек, отловили по одной, насильно собрали вместе и теперь везут на убой.

Ни в чем не повинных.

Молодых, и уже с перечеркнутыми судьбами.

Ни одна из нас не знала историю другой. Из какого кто города, из какой семьи. Но еще вчера кто-то из нас возможно работал врачом, а кто-то начальником, кто-то уборщицей или, как я, студенткой второго курса. Но с тех пор, как мы тут оказались, в этом проклятом фургоне, наша ценность как людей стала обезличена. Мы все больше никто. Все едины в своей участи, все равны перед смертью, которая не за горами.

Мы стали жертвами не по своей вине. Изможденные без еды и воды, в духоте и шуме, покалеченные, избитые, в грязи, ссадинах и синяках.

Кому-то из девушек, как мне, толком не оказавшей сопротивления при похищении, повезло больше, отделалась малой кровью.

А у некоторых была разбита губа, сломан нос, либо же заплыл глаз.

Одежда у всех нас была частично порвана. Руки, у кого-то связанные, а у кого-то с кровавыми следами на запястьях от тугих веревок, смиренно покоились на коленях.

Кто эти «люди» и чем руководствовались, отбирая нас и с какой целью похищая, никто из нас не знал. Но каждой ясно было лишь то, что эти твари похитили нас, чтобы неминуемо убить. Медленно либо быстро, мучительно или нет – а это уж как повезет.

Везли нас долго. Дорога плохая, ухабистая. Фургон то и дело подпрыгивал на кочках, стены трясло.

Вечный, непрекращающийся аккомпанемент грохота, скрежета и скрипов давили на уши и напоминали о том, что всё пережитое уже – всего лишь начальная точка на пути кровавых страданий и первобытного ужаса.

Из-за общей слабости, я едва была способна усидеть прямо, чтобы не качаться из стороны в сторону и не испытывать судьбу. Невзирая на усталость и головную боль, я запрещала себе засыпать, с частой периодичностью стучаясь затылком о стену фургона. Намеренно заставляя свой разум взбодриться и беспрестанно напоминая себе в мыслях, что смерть куда ближе, чем кажется.

Волосы безнадежно слиплись и закрывали часть лица от ненавистного мне острого взгляда чернокожего цербера. Кровь из раны на голове уже не сочилась. Она запеклась, засохла и почти не напоминала о себе. Зато пальцы были сплошь в занозах. А под ногтями, частично сорванными в результате противостояния похитителям, въелась грязь вперемешку с кровью.

Тошнота не прекращалась. Равно как и сердце стучало почаще мотора, не позволяя мне отвлечься и забыться даже на секунду.

Ведь под ногами – кровь и мозги одной из нас, и всё это растеклось по полу фургона.

Безголовое тело пленницы, обнаженное до пояса, лежало прямо перед нашими глазами.

Нам, насмерть запуганным жертвам, только и оставалось, что безропотно глядеть на ту несчастную, которая поплатилась за свою смелость и попытку спастись.

Мы все сидели тихо, смиренно, голов не поднимали. Боялись, что одна из нас незамедлительно станет следующей, если вдруг чернокожему церберу, следившему за порядком в фургоне, снова что-то не понравится.

Никто из нас, пленниц, не просил о пощаде. Никто не догадывался, как долго мы протянем. Мы все смиренно сидели с опущенными головами и просто ждали чуда. Наивные и глупые мы...

– Как думаешь, он понимает наш язык? – шепнула мне рядом сидящая, тонкая зеленоглазая шатенка с разбитой губой.

Она имела в виду чернокожего цербера. Безжалостное чудовище с автоматом, с гордым видом восседавшее напротив нас.

Мы с ней быстро переглянулись и тут же замерли в ожидании сурового наказания за болтовню.

Цербер же, покосившись на нас, отвлекся на изучение своего автомата.

Конечно, не понимает он наш язык. Он же не цивилизованный. Он дикарь.

Я побоялась выразить свое мнение насчёт чернокожего цербера вслух. Лишь осторожно взглянула на него из-под слипшихся прядей.

Получилось прямо в глаза. Он поглядел на меня, а я на него.

Мельком. Секунда всего. Но и этого хватило, чтобы испугаться и быстро опустить взгляд на свои руки.

Только бы не застрелил...

– Это самая жуткая тварь, которую я видела... – едва слышно прошептала мне шатенка и пугливо смолкла.

Я качнула головой в знак того, что согласна с её доводами насчет цербера, и снова поглядела на него украдкой.

Чёрт...

Мне показалось... или он... ухмыльнулся???

Я пригляделась к нему получше.

Точно же. Ухмыляется. Расслышал, значит. Понимает он нашу речь.

Несомненно, это самая жуткая и безжалостная тварь, которую нам всем не посчастливилось встретить.

Убийца. Психопат.

Хладнокровная и беспощадная сволочь. Монстр во плоти. Жуткая тварь, и гордится этим. Он этим живёт. В этом весь смысл его поганого существования. Его тешит то, как о нем отзываются, называя его самой жуткой тварью. Он не человек ни на грамм, и наверняка долго к этому шел.

И как долго мне осталось жить, знает только он.

На мгновение я забылась. И позволила себе поглядеть на него дольше одной секунды. И он это заметил.

Доли секунды мне хватило, чтобы до смерти испугаться за свою жизнь.

Но и отвернуться не нашлось смелости. Хоть и понимала, что прямо сейчас смертельно рискованно составить компанию той несчастной, которой он уже разнес череп за неповиновение.

– Вить! Шеф спрашивает, как обстановка? Довезем хотя бы одну, или всех отстрелишь?

– Одну доведем. Может быть. – ответил цербер басом, оскалившись в щербатой улыбке и снова обратив свой беспощадный не моргающий взор напрямиком на меня.

Чернокожего цербера звать Витя?

В каком месте он Витя?

Высоченный, огромный, сильный африканец, у которого специфически грубые и крупные черты лица. Глаза чёрные как смоль, крайне надменный взгляд.

Ясно же, что Цербер родом из Африки. И что он совсем не похож на Витю. Даже отдаленно.

Цербер глядел всю оставшуюся дорогу в основном на меня. Пристально, изучающе. Оценивал возможно. Может, я его чем-то удивила несколько больше, чем другие пленницы. А возможно, раздумывал, каким способом расправится со мной.

Что бы не вертелось в голове у этого Витьки... Жуть лютая берет от него. Не по себе от одного только взгляда.

Хищного.

Варварского.

Повелительного.

Маниакально настойчивого.

Раздевающего. И расчленяющего одновременно.

Что угодно в этом взгляде прочесть можно было, кроме непосредственно жалости.

Жалости там не было ни капли.

Глава 6

Спустя час пути нас, унижительно привязав за ноги к одной веревке, вывели в туалет. Отвели недалеко от фургона и, угрожая расправой, заставили нас раздеться по пояс, сесть и опорожниться при них.

Их, проклятых мучителей, было трое всего, считая чернокожего цербера.

Они шастали вокруг нас, нагло присматривались к каждой.

Один из них, которые чернокожий цербер, остановился позади меня.

Краем глаза я заметила, что он стоит близко и пялится не на кого-то из девушек, а прямо на меня.

Тварь.

– Ничего у тебя задница.

Я подумала, что это заявление было адресовано мне. Но нет.

Один из бандитов сделал издевательский комплимент моей соседке, красивой блондинке с частично сорванными наращёнными ногтями.

– Я б её выебал. А ты? – добавил он, поглядев на своего напарника.

– И я. – отозвался второй бандит, который и приказал нам вести себя тихо.

– Давай.

Блондинку, не сдерживающую слез, отвязали от общей веревки при помощи искривленного от частого использования ножа, затем схватили за волосы и отвели к переду фургона.

Там её жестоко изнасиловали.

Один избивал, другой насиловал. Потому они поменялись местами.

А нас, остальных пленниц, заставили смотреть на это и не отворачиваться. Под угрозами, что мы станем следующими.

Вставать и одеваться без разрешения также было нельзя. И нам оставшимся пришлось покориться.

Чернокожий цербер сдвинулся с места.

Я услышала шаги позади себя и подумала, что цербер решил присоединиться к тем двум бандитам.

Но цербер вальяжно обошел всех пленниц и снова встал передо мной, заслонив ужасающую видимость.

Переведя взгляд, полный жути, с акта изуверского насилия, на него, у меня волосы на голове зашевелились.

Цербер слишком интересно пялился на меня, на моё тело, и от той пугающей мысли меня ощутимо затрясло.

В этом цербере дури столько, что быка завалит голыми руками, если попросят.

Страшный он тип. Очень страшный. И внешне так особенно.

Зверь в человеческом обличье, никаких человеческих качеств в нем не имеется, и от того осознания становится в разы страшнее и безысходнее, когда он так близко.

Я боялась, что ему взбрédёт в голову сделать со мной то же, что те двое делают с несчастной блондинкой.

Но цербер просто стоял напротив и не моргая смотрел. Взглядом своим чёрным, жестоким, звериным буравил, будто дыру сквозную в грудной клетке проделывал. Будто силой мысли сердце и другие органы из меня вынуть хотел.

Мне было не по себе, и это мягко сказано.

И только когда над блондинкой поиздевались вдоволь и бросили ее, изувеченную, обратно в фургон, а нам остальным разрешили одеться и вернуться на прежние места, на душе чуть отлегло.

Меня никто не тронул.

Пока. Надеюсь, что и не тронут.

Глава 7

*Я пробую на вкус кровь алого крика
Из чаши ее желаний.
Хочу утопить тебя в твоей же вере.
Хочу увенчать это своей ненавистью,
Хочу сжечь тебя в своей огненной яме...
3Teeth, «Pit of fire».*

Привезли нас в какой-то брошенный хутор.

Совершенно глухое и мрачное место, кругом ни души. Ни единого магазина, ни даже намек на цивилизацию.

Участки заросшие, дома разрушенные, под снос все, стены заваленные. Лишь один фермерский участок стоял целый и процветающий посреди всеобщей разрухи.

У хутора все же есть хозяин, он и выкупил здесь всё ради перспектив роста, размышляла я, пока нас завозили на территорию.

Огромная территория, огороженная высоким забором с колючей проволокой, через который не перелезть даже если очень сильно захотеть.

Двор просторный, с немалой россыпью хозяйственных построек, натканных всюду. Тут и склады с зерном, наверняка набитые битком до самого потолка. И свинарники, и сараи, и конюшни...

Но всего три жилых дома на участке. Один кирпичный, в два этажа, размером с небольшой хостел, другой вытянутый, барачного типа, а третий – то ли летняя кухня, присоединенная к кирпичному, то ли жилая пристройка для персонала.

Ворота на пульте управления, охраны кругом полно.

Куча вооруженных бандитов снуют по двору.

И собак где-то с десятков бегают, начиная с самих ворот. В основном, алабаи и кавказцы.

Псы устрашающе скалились, лаяли на нас, но были к счастью привязаны. Они слушались хозяев, не бросались на нас, когда нас заводили во двор.

Но уверена, эти псы по приказу были бы не прочь растерзать и сожрать живьем любую из нас.

Нас, четверых оставшихся пленниц, завели и поставили в центр двора, неподалеку от кирпичного дома, по всей видимости хозяйского.

Там уже, пока чернокожий цербер куда-то отходил, нас выстроили по росту, срезали с ног веревки, и приказали ждать. Сейчас сюда придет их босс, который решит нашу судьбу, сказал нам один из бандитов.

Зачем нас похитили и сюда доставили? В качестве бесплатной рабочей силы? Чтобы батрачить с утра до ночи за еду?

Или с нами тут сотворят такое, что и черти в аду испугаются?

Кто все эти люди, и что хотят с нами сделать?

В том месте, куда нас привезли и где высадили, определенно держали свиней и возможно лошадей, судя по имевшимся конюшням.

Но не только свиней и лошадей, а еще и людей.

А ферма здесь наличествовала лишь с целью, чтобы прикрывать преступные делишки хозяина.

Вскоре и чернокожий цербер вернулся, но уже не один. С ним шел хозяин, статный и густо бородатый дядечка ниже среднего роста, в деловом костюме и с роскошного вида резной тростью с золотыми вставками, которая помогала ему передвигаться по рыхлой земле.

Из-за хромоты, хозяин этого филиала ада ковылял медленно, не торопясь, ступал тяжело. Но при этом улыбался и выглядел вполне себе приветливо, если сравнивать с остальными. И отнюдь не выглядел так, будто увидев, сразу пощадит нас и отпустит. Глаза у хозяина были адски злые.

– Я буду вынужден уехать. – обратился хозяин к одному из бандитов, который привез нас. – Проблемы с доставкой на юге. Надеюсь, без меня вы справитесь с этими свиноматками.

– Конечно, справимся, господин.

Бандит с ухмылкой покосился на нас, заставляя каждую усомниться в том, что, говоря о свиноматках, имели в виду не нас, пленниц.

– Убирать клетки, загоны раз в три дня... – продолжал хозяин монотонно перечислять бесконечные обязанности. – Кормить по расписанию, поилка должна быть наполнена. В поля их гоните. И так далее по списку. В общем, всё, как и всегда. И да. Про инкубатор не забывайте. Хоть раз в три дня захаживайте, проверяйте. Это важно.

– Босс, за это не переживайте. Все сделаем по высшему разряду. – бандит резво качнул головой и следом указал на нас пальцем. – Оцените лучше, какой улов мы для вас достали.

– Сразу четверых. Молодцы, молодцы...

– Их было пять, господин. С одной случился казус. Шалха, подойди, объяснись.

Бандит подозвал чернокожего цербера, который стоял поодаль и наблюдал на всё это с расстояния.

– Что тут объяснять. Несоответствие, и всё. Тэчэка. Вопрос закрыт.

Сплюнув наземь, грубо отозвался чернокожий цербер в ответ и даже подходить к ним не стал.

– Это всё издержки. Подумаешь, одна. – усмехнулся хозяин, махнув рукой на гибель одной из нас и смачно причмокивая. – Шалха знает толк в выбраковке. Я полностью полагаюсь на его чутьё.

Так этот цербер, «знающий толк в выбраковке» людей, Шалха или Витя?

Кем бы не был он, но вес в этом обществе убийц имеет, раз не стал исполнять приказ хозяина, и его за это не наказали.

Более того, хозяин полагается на его чутьё, а это значит, что разрешает церберу убивать и уничтожать иным способом вообще любую пленницу, которая чем-то вдруг не понравится...

Видать не впервой этот Шалха таким образом девушек отбирал.

«Выбраковывал», так сказать, по зову сердца, как случилось с той блондинкой в фургоне.

Шакал он адский, а не Шалха.

Самый натуральный шакал.

Прихвостень дьявола с тростью.

Глава 8

- С телом знаете, что делать? – добавил хозяин задумчиво.
- Уже отнесли, босс. – убедительно покивала тот же бандит.
- Замечательно.

Пока хозяин расхаживал мимо нас и изучал каждую снизу доверху, что-то бормоча себе под нос, цербер Шалха так и продолжал стоять в сторонке. Но поглядывал на меня с особым вниманием.

И очевидно нервничал, о чем свидетельствовал его внимательный, пристально следящий не моргающий взгляд исподлобья.

– Забой ожидайте на днях, босс. – сказал хозяину Шалха в тот момент, когда очередь осмотра достоинств и недостатков дошла до меня. – Голов десять будет, не меньше.

Показалось, или этот Шалха специально отвлекает своего босса, чтобы тот во мне чего-то не разглядел?

– На твое усмотрение, Шалха. Тебе виднее, сколько надо, столько и режь. Так, ладно. Некогда мне с этим возжаться.

Толком не осмотрев последнюю, самую низкорослую из пленниц шатенку, с которой мне удалось обменяться парой фраз по пути сюда, хозяин фермы отошел от нас метра на три и громко заявил во всеуслышание.

– Шалха и Рудик. Этих под вашу ответственность. Ни на секунду не оставлять без присмотра. Гонять как сидоровых коз. Спуску не давать каждой. Особенно этой. Иди-ка сюда.

Сперва я не поняла, что хозяин обращается ко мне. Да что там, все не поняли, кому из нас поступил приказ.

Пока ко мне не подошли сзади и не толкнули в спину.

Почему??? За что меня??? Чем я провинилась???

Я сделала несколько неуверенных шагов вперед.

Потом еще несколько шагов на пошатывающихся от страха и слабости ногах, и наконец достигла цели.

- На колени. – приказал мне хозяин.
- Что??? З-зачем? – я подняла на него глаза в недоумении.
- Не поняла еще? Не поняла, куда попала?

Пока я стояла недвижимая, как обухом по голове стукнутая, и молча хлопала глазами, этот старый дьявол показательно расстегнул ширинку на брюках.

– Соси, иначе им тебя отдам.

Хозяин указал на разрывающихся от лая собак, а затем вывалил наружу своё мужское достоинство.

– Я не... Не умею... Я девственница. – еле выдавила из себя шепотом, испуганно глядя этому дьяволу в глаза в надежде, что он все же сжалится.

– Самир, спускай Тимошу! – приказал хозяин одному из бандитов у ворот, и тот принялся отвязывать самого буйного кавказца, которого всё никак не могли усмирить.

– Не надо! – я испугалась ни на шутку и тут же упала перед хозяином на колени. – Я буду! Буду!

– погоди пока, Самир! – хозяин отозвал свой приказ и поставил руку, свободную от трости, на пояс.

От безвыходности, я взяла член в рот и даже пыталась постараться сделать хозяину приятное.

Но буквально через две секунды после того, как начала сосать, меня вырвало. Не осилила я это и близко.

– Ах ты ж тварь! Ты погляди, что наделала! Штаны мне замызгала! Ну тварь!
Разозлившись, хозяин схватил меня за волосы и больно потянул за них, затем отбросил меня в сторону, злобно позвав другую пленницу.

А я угодила в навоз.

Хоть не лицом, и то хорошо.

– Если сделаешь, как она, пристрелю обеих! – предупредил хозяин блондинку, ранее изнасилованную бандитами.

Блондинка поклонилась ему покорно, затем подползла на карачках и нежно обхватила его член рукой.

Она доставляла удовольствие хозяину умело, нерасторопно, без приступов тошноты и остановок на отдышаться. Однако хозяину этого показалось мало.

– Хороша, сучка. Тебя оставлю себе. Ей отдельную палату выделить и намыть к моему приезду.

Жестко попользовав блондинку в рот, хозяин тоже откинул ее в сторонку и следом повернулся ко мне.

– А ты, тварь. Через два дня поедешь на рабский базар. Продам тебя. Красивая ты всё ж. Хоть и тварь ты. И да, проверь ее на девственность, Шалха. Вдруг не врет, и тогда получится сбегать ее втридорога.

Шалха лениво качнул головой и медленно зашагал к рукомойнику, расположенному под открытым небом.

Как эта сволочь собирается проверять меня на девственность???

Он, что, полезет туда руками???

Глава 9

*Молящимся прощенья нет,
Святые вынуждены спать,
Иссушена последняя капля веры,
И наступит тишина.
Когда погаснет свет...
Dawn of Ashes, «Still born defect».*

Помыв руки, Шалха направился ко мне неспешно пугающей манерной походкой.

Походкой, выдающей в нем сущее бескомпромиссное зло, подчиняющееся даже самым безжалостным и мерзким приказам своего хозяина.

Сидя на земле, я с ужасом попятилась назад, ощущая, как руками погрязая в грязь вперемешку с навозом. Но то обстоятельство, что я сознательно барахтаюсь в вонючей субстанции и пачкаюсь все сильнее, волновало меня сейчас меньше всего.

– Придержаться ее, Шалха? – предложил по всей вероятности тот ублюдок, кто пихнул меня к главарю и, кто сейчас направил на меня автомат.

– Не нужно. Сам справлюсь.

Поймав меня за локоть, Шалха поднял моё тело с земли с завидной ловкостью и поволок к пугающего вида конструкции из железных прутьев.

Кинув меня на стол, на котором возможно разделявали туши не только свиней, он попытался сорвать с меня штаны.

Плотно сжимая губы до боли, до крови, агрессивно скалясь и рыча на него, я продолжала неустанно и до последнего сопротивляться воле Шалхи.

Боролась с ним, всячески пыталась оттолкнуть, укусить.

Размахивала руками и пиналась ногами так сильно и резво, будто от моих нелепо убогих стараний сейчас напрямую зависело, останусь ли жива.

Или же меня разделают на этом столе, как свинью, и пустят на корм.

Но с его несоизмеримой силой, с мощью здоровенного рельефного негра, и с его колоссальным опытом подчинять, причинять боль и властвовать, с лёгкостью забирая человеческие жизни за любую провинность, моя хрупкая силушка оказалась ничтожно мала.

– Тише. Я только проверю.

Удерживая мои запястья одной своей пятерней, Шалха налег на меня, придавил к столу и подставил одно колено, чтобы я не могла сомкнуть ноги.

– Не дергайся. Если не хочешь, чтобы было больно.

Как змея, его рука юрко пролезла под одежду и в одну секунду оказалась у меня между ног.

– Меховая норка – ценная порода. – поступила от Шалхи издевательская насмешка, воспроизведенная мне прямо в лицо.

А следом шершавый палец ощутимо уперся в девственную плевую. Без нажима. Без малейшей попытки пойти наперерез.

Я застыла в немом ужасе, оцепенела, неистово скалясь и глядя этому демону в глаза с желанием уничтожить, испепелить его и умереть одновременно.

Если бы дотянулась, откусила бы ему нос или кусок губы.

Но с сожалением, я ничего не могла поделать, кроме как лежать и терпеть всё, что он намеревается сотворить со мной.

Шалха глядел на меня с ответным испепелением, что не могло не настораживать.

Но в какой-то миг я прочла в его глазах что-то вроде... сожаления или даже досады.

Предприняв несколько едва ощутимых толчков скорей для вида, словно и не собирался проверять меня, а просто зашёл погреть руку в моих трусиках, Шалха развернулся к хозяину и громогласно заявил.

– Не девственница она!

Зачем Шалха солгал???

Чтобы меня тут убили, прямо на месте???

«Нет, он врет!»

Хотела прокричать я отчаянно, но в последний момент что-то меня остановило.

Шалха намеренно солгал своему боссу. Ему виднее, зачем стоило утаить от него эту правду в столь судьбоносный момент.

Может ему и впрямь стало жаль меня?

– Так и знал. Ещё такие «девственницы» есть?

Пренебрежительно обратился хозяин к остальным пленницам и, получив в ответ ожидаемое молчание, указал на меня пальцем и с презрением выдал.

– Свиноматка чертова! Тварь! Твое место в хлеву! Среди таких же свиноматок, как и ты сама! Ты сгниешь заживо за то, что испортила мне костюм, и за то, что солгала!

Высказав мне в лицо все, что хотел, хозяин подозвал к себе одного из наемников вместе с Шалхой и продолжил оглашать вердикт.

– В общее стойло её. Пусть пашет за троих. Не кормить. Если захочет пить – пусть пьет мочу. Ежедневно и подолгу воспитывать. Воспитанием ее займешься ты, Шалха. Чтоб когда я вернулся – я её не узнал.

– Вы ж меня знаете, босс. – гордо качнул головой Шалха. – Исправим. Дайте мне два дня.

– Знаю, Шалха. – хозяин похлопал его по сильному плечу. – Я в тебе ни разу не усомнился за все те годы, что ты на меня работаешь. Ты мне как сын, Шалха. Ты никогда меня не огорчал.

– И не огорчу, босс. – заверил его Шалха, отвесив хозяину низкий поклон. – Для меня честь, что вы так высоко оцениваете мой труд. Буду стараться для вас и дальше. Для этого я здесь.

– Вот и отлично.

Обсудив насущное с Шалхой, хозяин развернулся к измученной, но очень покорной блондинке, которой наверняка слишком хотелось жить.

– А ты, прелесть моя, ступай ко мне в хоромы. Когда вернусь, хочу проверить, насколько у тебя гибкое тельце. Сопроводите её ко мне. И посадите на шпагат. Не захочет сесть сама – помогите.

Раздав свои указания, хозяин не спеша направился к воротам.

Глава 10

Хозяин уехал по делам.

Блондинку куда-то увели, а нас, оставшихся пленниц, разместили в мизерном сарайчике без дверей.

Каждая из нас выбрала себе место по душе и разместилась на земляном полу с остатками старого сена, от которого исходил отвратительный гнилостный запах мышинового помета и чего-то еще.

– А если она не гимнастка? – беспокоилась я за ту девушку, которую выбрал хозяин и которой и так пришлось несладко. – А что если она не умеет садиться на шпагат?

– Ты еще не поняла, как тут всё устроено? – отозвалась шатенка, которая выбрала место недалеко от меня. – Ее и спрашивать не станут. Возьмут и посадят. Сядет за одну попытку. Хоть на два шпагата сразу.

– Мне так жаль ее. Это бесчеловечно...

Я поджала под себя ноги и опустила голову, с опаской присматриваясь к настилу, на котором всё же придется спать.

– Ты себя лучше пожалей. Неизвестно, что нас всех ждет сегодня, и тебя в частности, а ты за нее волнуешься. Ей уже не помочь. Уверена, что мы больше ее не увидим.

– Надеюсь, здесь нет мышей... – предположила третья пленница и, брезгливо осмотревшись, подсела к нам поближе.

– О чем ты думаешь, дура? Хоть бы живыми остаться. И целыми. Продержаться бы подольше.

Отчитала её шатенка, у которой настрой был более боевой, в отличие от нас, а затем спросила меня.

– Как тебя зовут?

– Женя.

– А меня Аня. Будем знакомы. – сказала шатенка и протянула мне руку.

– Я Марго. – отозвалась третья. – За что ты здесь, Женя?

– Сама не знаю. Никому ничего плохого не сделала. Просто меня похитили и привезли сюда.

– Нас всех сюда поместили ни за что. И неизвестно, что будет с нами дальше.

– Почему же неизвестно? Известно. Нас либо убьют, либо продадут тому, у кого есть деньги. – произнесла шатенка Аня и хотела добавить что-то еще, но вовремя замолчала.

В сарай зашел один из наемников, по всей вероятности, младшего ранга. В руках он держал какие-то тряпки.

– Вот вам кровати. Через десять минут на построение. Опоздание карается. – предупредил он, бросил тряпье у входа и вышел.

– Это кровати? Спать на грязном рванье? Что эти простыни пережили перед тем, как попасть к нам? – покривилась Марго, поглядев на шматы постельного белья и побрезговав даже поднимать их с пола.

– Лучше не думать об этом. Лучше вообще ни о чем не думать здесь. А брать и делать, что велят.

Аня подобрала преподнесённое с барского плеча тряпье и раскидала на всех поровну.

– Берите, что дали, девочки. И скажите спасибо, что сейчас август, а не декабрь.

– Даже не знаю, как было бы лучше. Летом или зимой. – неуверенно высказалась я, вспомнив об умершей подруге. – Сейчас зной стоит – ну просто адский. Пить очень хочется.

– Понимаю тебя. И жду, что скоро нам принесут-таки воды.

– Ей же сказали, что кормить и давать пить не будут. – напомнила Марго о словах хозяйина.

Не успели мы разложить «кровати», как наемник снова вернулся. И на сей раз с приказом касательно меня.

– Тебя требует Шалха. Он ждет на бойне. Поторопись. Он ждать не любит.

– А... Где тут... бойня? – поднявшись с пола, проямлила я дрожащим шёпотом. – Куда мне идти?

Так и не получив ответа, на ватных от ужаса ногах и со страхом в глазах, я вышла вслед за наемником.

Глава 11

*Весь мир – это арена,
А клетка ждет тебя сзади...
Project Pitchfork, «Circus».*

Наёмник привел меня на скотный двор и оставил возле загона со свиньями, с целью ждать дальнейших указаний.

В загоне происходили свинячьи бои. Несколько агрессивных особей, предположительно вепрей, дрались между собой, визжа и разрывая клыками плоть противника.

За этим неприятным процессом, непринужденно болтая, наблюдали двое – Шалха и кто-то низкорослый рядом с ним.

– Вот этот больной. Видишь? – сказала Шалхе женщина, указав на одного из участников битвы, самого слабого.

Если бы не женский голос, я бы и не догадалась вовсе, что она женщина.

На ней – мужская одежда; грудь перетянута чем-то тугим, чтобы её не видно было; голова и всё лицо, не считая черных глаз, закрыто платком.

– Я бы сама его заколола. Но не могу поймать. – продолжала женщина говорить ему с открытой нежностью. – Он меня невзлюбил. Не подпускает к себе. Поможешь?

– Разумеется. Ты же знаешь, что для меня это – одно удовольствие. – довольно усмехнулся Шалха.

Напоследок оказав этой женщине теплый знак внимания тем, что коснулся пальцев её руки, Шалха ловко перепрыгнул через ограждение загона и направился к испугавшимся его и сбившимся в один угол свиньям.

Пока та загадочная женщина, имевшая для него определенную значимость, придерживала калитку, Шалха выволок из загона неистово сопротивляющегося огромного вепря и без особых усилий повалил его на землю.

Вытащив висевший на ремне длинный нож и на время зажав его между зубами, Шалха придержал кабана одной рукой, а другой взял нож и полоснул ему по горлу точным и натренированным движением.

Всё это время кабан визжал.

Так истошно и душераздирающе, что я в слёзы, и мурашки ужаса по телу забегали. На ногах еле устояла от нахлынувших эмоций – так жалко стало мне несчастное животное. Кровь с его шеи струей хлещет, а он еще живой. Извивается, ревет, очень хочет жить. Как и все мы здесь.

К счастью, это сущее мучение для кабана и для меня продлилось совсем недолго. Шалхе приходилось резать свиней не раз, и справился он с этим довольно быстро и уверенно. А затем, когда кабан вскоре перестал подавать признаки жизни, взял тушу за ноги и потащил.

– Помогать мне будешь.

Сообщил Шалха и кивнул, чтобы я последовала за ним. К отдельно стоящему зданию из кирпичика, по виду, недавно построенному.

Здесь же, в этом здании, располагалась коптильня. А перед зданием – рукомойник и стол. Тот самый.

Жуткого вида металлический стол, на котором мне уже довелось поваляться сегодня.

– Как помогать? Поддержать надо?

Не понимая, какую от меня он ждет помощь, спросила я хриплым от слез шепотом и не решилась подойти к туше.

– Нет. Пока сам. Скажу, когда. – Шалха обсмалил специальный нож и принялся за дело.

Я осмелилась поглядеть на происходящее уже тогда, когда свиная туша была полностью черна.

Вода стоит. В ведре. Возле стола. Не кристально чистая, но... Вот бы попить... Вот бы сделать хоть один маленький глоток...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.